

О пользе «коммуникатологического» понимания концепции научных революций Томаса Куна

Фрагментация научного дискурса и относительный статус профессиональных научных сообществ характеризуют современную постнеклассическую модель развития социально-гуманитарного знания, которая формируется в парадоксальной обстановке множества совершаемых «научных революций». Концепция и категориальный аппарат развития науки и научного знания Т. Куна дает возможность проанализировать смысл и содержание полученных результатов «коммуникативного поворота» и «коммуникативной революции» в гуманитарном познании. С позиций формирующегося коммуникатологического дискурса в статье делается попытка современного прочтения и «переключения гештальта» в восприятии знаменитой концепции американского философа.

Ключевые слова: постнеклассическая наука, научная революция, коммуникативная революция, коммуникативистика, коммуникатология, парадигма, научное сообщество.

Коммуникативистика, усиленно стремящаяся до сих пор стать коммуникатологией, представляет сегодня разнородное и фрагментированное междисциплинарное пространство в социальных и гуманитарных науках, в котором «коммуникативный подход»¹, «теории коммуникации»², феномен «коммуникативной революции»³, а также разнородные «добавления» к слову «коммуникация» представляют собою весьма распространенное явление⁴ и т. н. интеллектуальный тренд, сравнимый по частоте словоупотребления разве что с 1970-ми годами и куновским понятием «парадигма». Между тем многие научные работы, призывающие и желающие приблизить нас к пониманию *логоса* коммуникативной проблематики, отличает странная двойственность. С одной стороны, особняком стоят труды социальных философов, рефлексирующих свой «объект» в широких горизонтах современной социологии,

политической теории, соотношения культурных и моральных практик, кибернетических и нейропсихофизиологических подходов, чьи имена в историографии представляют известный «канон»⁵ коммуникативистики, что можно проследить по количеству сносок и обилию цитат в любом мало-мальски относящем себя к данной проблематике издании. С другой стороны, коммуникативный подход в социально-гуманитарном познании принимает зачастую вид своеобразного «*ре-мониторинга*» различных *давно* привычных и знакомых областей научного знания, в которых замечается не критическое и некогерентное заимствование и восприятие *инновационных* средств и концептов «классиков» современного коммуникатологического дискурса⁶.

Ситуацию отмеченной *рассогласованности* в понимании коммуникативного подхода и его применения в практике социальных и гуманитарных наук, думается, можно объяснить несколькими причинами.

Во-первых, это то, что стало уже общим местом не только в современном науковедении (В.С. Степин)⁷, но и апробировано в большинстве наук так называемого социально-гуманитарного профиля: переход от классической и неклассической к постнеклассической/неоклассической модели научных исследований⁸.

Осмысление произошедших изменений отражено в ряде монографий и проблемных статей, где в качестве важнейшего компонента авторских размышлений обозначена размытость в новом понимании статуса самого академического знания – традиционных представлений об объекте, субъекте и средствах научного поиска. Манифестации радикальных конструктивистов, в частности Э. фон Глазерсфельда, весьма показательны: в формулировке общей научно-познавательной стратегии сегодня он достаточно лаконично и категорично заявляет, что это «знание без знания как объекта познания»⁹. В радикализме дегуманистического пафоса, касающегося представлений о субъекте и его роли в объяснении системы «общества обществ», неоднократно получал упреки Н. Луман, который лишь к концу своей жизни стал замечать «слишком человеческое» в социальном развитии. Относительно определенного дрейфа в сторону постнеклассической методологии научных исследований в России называется история Московского методологического кружка (ММК) Г.П. Щедровицкого, когда сфера общей методологии развилась в рамках сформированного им «кружка» в игру чистого разума, а также и то, что в дальнейшей идейной эволюции бытования его сторонников в постсоветском пространстве приняло откровенно игровые, интеллектуально-менеджеральные, политтехнологические очертания¹⁰. Это может вызвать возражения, но,

как показывают работы современных ученых, считающих теоретически ориентированное знание определяющим (например, в социологии – А.Ф. Филиппов, в социологически ориентированной истории/историографии – И.М. Савельева, в теории и философии общественных связей – С.В. Клягин), их беспокойство вызывает почти институциональное пренебрежение к теоретическому мышлению в исследовательских практиках, а слова президента Международной социологической ассоциации Майкла Борового о том, что социология должна быть прежде всего полезной и приближаться к позициям здравого смысла, просто повергают в интеллектуальное изумление¹¹.

Добавим к этому названия серии книг по социологии, политологии, политической и русской философии, искусству, ряда статей и книг по методологии социального познания и т. д.. Во всех них, вышедших под разными названиями и в различных изданиях, вы найдете общее альтернативное «звучание» – бекар «подозрения» в отношении высокой ценности развития теоретического знания сегодня¹².

Во-вторых, *многоголосие* теоретиков и специалистов по коммуникации сегодня вполне объяснимо самой сутью разворачивающейся на наших глазах «коммуникативной революции».

В большинстве социогуманитарных наук и присущих им научных формах познания и исследовательских областях уже совершились (и совершаются на наших глазах) «свои» революции, вследствие чего постепенно утверждаются и соответствующие им институциональные порядки. Сегодня у понятия «научная революция» существует достаточно много содержательных «референтов», если не вспоминать «четкости» понимания давно забытой советской НТР¹³; это, помимо упомянутой «коммуникативной», – «сетевая», «глобальная», «технологическая», «цифровая/дигитальная», «историографическая» и т. п.¹⁴ Общее качество в «событийности» (по П. Деару и С. Шейпину¹⁵) у всех вышеперечисленных научных революций – это, на наш взгляд, то, что они порождают различного рода *расколы*¹⁶ и приводят в целом к *дивергенции* социального поля науки. Последний феномен, наряду с конвергенцией, не содержит в себе негативных коннотаций, если под дивергенцией понимать стратегию поиска единства профессиональных сообществ на базе их принципиальных интеллектуальных различий¹⁷. Наверное, существующие подходы к осмыслению феномена междисциплинарных отношений и подходов должны были быть сняты все принципиально существующие противоречия. Однако ориентированность на меж-, транс-, поли- или же и вовсе без-дисциплинарность в научных исследованиях пока не дает нам ощутимого

и полноценно реализуемого академического результата. Более того, выход из сложившейся апории видится и выражается в ряде ультрапарадоксальных призывов: к необходимости опять же *новых* «коперниканской» или же «когнитивной» революций¹⁸. Впрочем, как мы знаем, в истории философии и науки они также уже происходили.

В этом смысле третье обстоятельство, которое заставляет обратить на себя внимание – это во многом связанный с куновским понятием научной революции *полифонизм* представлений о типах, способах и характере бытования научного знания в современных условиях, а также вопрос о научном статусе, на который претендует сегодня сама «коммуникативная парадигма». Думается, что именно во взглядах на «кумулятивность» и целеполагание истины в современной науке могут быть объединены, как нам представляется, попытки приблизиться к «мерцанию смысла» получаемых ответов о «пользе и вреде» современного коммуникатологического дискурса и структурно перейти к обоснованию вариантнo ему существующей «дисциплинарной матрицы» коммуникативистики.

Известный афоризм из знаменитой книги Т. Куна, которой в этом году мы отмечаем 55-летие выхода в свет, гласит: «То, что казалось ученому уткой до революции, после революции оказывается кроликом»¹⁹. Касаясь далее в «Дополнении 1969 г.» вопроса о возможностях «эволюционной точки зрения на науку», Т. Кун напрямую делает отсылку к автору «Происхождения видов» и отмечает: «...опровержение эволюции... телеологического типа... (которое. – Д. Л.)... не признавало никакой цели, установленной Богом или природой», для большинства читающей публики «было наиболее значительным и наименее принятым из предложений Дарвина»²⁰. Достаточно смело такие понятия дарвиновской теории, как «естественный отбор», «взаимодействие окружающей среды и организмов», «борьба видов» и т. д., помогают Т. Куну прекрасно адаптировать их к проблемам специфического развития научного знания. Так, по Т. Куну, «революционный отбор» в научной деятельности способствует появлению «удивительно приспособленного набора инструментов» научного знания, и так в конечном счете решается проблема кумулятивности²¹ накопленных в нем результатов: «...без помощи какой-либо общей цели, постоянно фиксируемой истины, каждая стадия... в развитии научного знания дает удрученный образец», поскольку данный процесс «знаменуется возвращением конкретности и специализации»²².

Последнее замечание дает Куну возможность обосновать существование и важность рассмотрения изменений в науке как преимущественно деятельности различных профессиональных

сообществ²³, а также прийти к прояснению специфики их бытования «во множестве парадигм», заменив таким образом критикуемое в первом издании книги категорическое утверждение о «несоизмеримости парадигм» на более многоуровневое понимание того, что они сосуществуют как структурно-функциональные компоненты символических обобщений, нормативных объяснений и ценностей научного знания внутри упорядочивающей их «дисциплинарной матрицы»²⁴. Здесь важно, что своеобразная и изначальная процессуальность возрастания и прироста научного знания покоится у Куна на «нормальном» представлении об отсутствующей структуре онтологии обязательного становления на пути к достижению истины. Последняя, по сути, – не обязательный атрибут научной деятельности и не единственный нормативный стандарт эволюции науки. Наука теперь атрибутируется исключительно конкурентными преимуществами и существующими нормами конфликтного поведения внутри самих профессиональных сообществ как «самоорганизующихся механизмов»²⁵, т. е. различные изменения и революции теперь основываются на «объяснении диахронического изменения структуры сообществ в науке»²⁶.

Американским физиком и философом обозначается то, что потом будет осмыслено как «аутопоэзная организация» всего живого (Умберто Р. Матурана и Франсиско Х. Варела²⁷), т. е. как процесс самовоспроизводства автономных профессиональных сообществ, которые на уровне социального сопряжения внутри себя приобретают *коммуникативные* характеристики, а в структурном сопряжении внешнего взаимодействия между собой как сообществами – координируются *коммуникационно*²⁸. И, если продолжить интерпретировать Т. Куна в духе размышлений чилийских нейробиологов далее, то их критика «метафоры коммуникационного канала» окажется ключом к пониманию возникающего у читателей Куна вопроса, – «парадигма или много парадигм?», – и тогда станет понятно окончательное решение данного вопроса введением термина «дисциплинарная матрица». Парадигмальный *взгляд* реализует как раз представление о том, если идти за Матураной и Варелой, что наука как парадигма *не способна увидеть себя*, и поэтому ей необходима «фигура» *наблюдателя*. В варианте «много парадигм» мы имеем много наблюдателей, для которых другая парадигма никак структурно не детерминирована, неочевидна своей внутренней динамикой и несет в себе внутреннюю неопределенность. Выход в дисциплинарную матрицу означает смещение акцента от значимости того, «что *передается*», к важности понимания, «что происходит с тем, кто *воспринимает* передаваемое»²⁹. Здесь возникает, как бы сказал Н. Луман, «наблюдатель второго

порядка» (медиум коммуникации), для которого *очевидно* различимы уже коммуникативно-коммуникационные связи и результаты структурных сопряжений матричного соотношения парадигм как ее внутренних компонентов. Факты передачи, пишет в этом смысле Режи Дебре, теперь воспринимаются как «*процессы* (ничего мгновенного, необходимо помедлить); эти процессы представляют собою *приключения* (ничто не разыгрывается заранее, никакого автоматизма); а приключения эти представляют собой *метаморфозы* (под конец мы выходим из них другими, нежели были вначале)»³⁰. Наверное, коммуникативная революция, как и научная революция Т. Куна, способна также обращать «уток» в «кроликов».

Одним же из недооцененных и необычайно актуальных тезисов Т. Куна является проблема «перевода» в процессе «ломки» научной коммуникации³¹, в которой важная роль отводится самим коммуникантам, поскольку в результате данного конфликта они сами способны «осознать друг друга как членов различных языковых сообществ и выступить затем в роли переводчиков с одного языка на другой»³². Как это согласуется с тем, о чем размышляет Ю. Хабермас в главе «Философ как местоблоститель и интерпретатор»!³³

Таким образом складывается устойчивое представление о том, что многие проблемы существования современных научных профессиональных сообществ достаточно созвучны с тем коммуникативным дискурсом, который выстраивался после кризиса социологических и философских институциональностей (или же, по Ж.-Ф. Лиотару, «метанарративов»), после преодоления и критики теорий рационального и социального действия, деконструкции различных «социетальных» порядков в структуре описания современных обществ.

Теория коммуникативного действия Ю. Хабермаса, аутопоэзис У. Матураны и Ф. Варелы и последующая рецепция их идей в работах Н. Лумана, собственно развитие теории и философии коммуникации в трудах М. Кастельса, К.-О. Аппеля, Дж. Ваттимо и многих других в изучении того, что мы хотели бы назвать коммуникатологией, но останавливаемся на более нейтральном – коммуникативистика, – стали очевидны, «переводимы» и необычайно востребованы, когда изменились привычные контуры классической (институциональной) модели рациональности и произошел переход в поле коммуникативной (процессуальной) рациональности научной постнеклассики. Неудивительно поэтому, что коммуникативная теория претендует сегодня на статус континуальной «онтологии» понимания и упорядочивания почти что всех смыслов современности.

Перечисление всех аспектов произошедшего коммуникативного «взрыва» в научном познании и знании разрушило бы сами основы и структуру данной статьи, поэтому позволительно будет преодолеть разрыв различных интеллектуальных эпох, воссоздав в заключение воображаемый диалог цитат из Ф. Ницше и Н. Лумана. Первый, размышляя «о пользе и вреде истории для жизни», писал о том, что «история продолжает оставаться замаскированной теологией»³⁴. Нечто сходное проделал и Н. Луман во «Власти» с эсхатологией, когда писал о ней как о царстве исключительно *необходимого* и призывал переориентировать и расширить такую позицию до того, что должно быть осмыслено в современной социальной теории как иная установка – учет интеллектуальных порядков *необходимо контингентного*³⁵.

Можно надеяться, что требование и необходимость интеллектуальной редукции комплексности контингентного (так называемая двойная контингенция Н. Лумана³⁶) в процессуально выраженном будущем коммуникатологического дискурса сделают его все более невероятным (научное «путешествие в неизвестное»), но при этом и более понимаемым и институционально зримым для большинства существующих профессиональных сообществ.

Примечания

- ¹ См.: [Рядинская М.В.] Коммуникативный подход // Теория и методология исторической науки: Терминолог. слов. / Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 221–222.
- ² См.: Назарчук А.В. Теория коммуникации в современной философии. М.: Прогресс-Традиция, 2009; Кузнецов М.М. Опыт коммуникации в информационную эпоху: Исследовательские стратегии Т.В. Адорно и М. Маклюэна. М.: ИФРАН, 2011.
- ³ См.: Кагельс М. Власть коммуникации: Учеб. пособие / Пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2016. С. 73–76.
- ⁴ См.: Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ. М.: Книж. дом «Либроком», 2011. С. 175–223.
- ⁵ См.: Назарчук А.В. Указ. соч.
- ⁶ Приведу пример. В СССР «коммунистическое воспитание молодежи» опиралось на нравственные принципы «Морального кодекса строителя коммунизма». Кстати, возглас «Один за всех и все за одного» мушкетеров из советского сериала заимствован напрямую из данного «кодекса»: «каждый за всех, все за одного» (Хрестоматия по марксистско-ленинской философии. М.: Гос. изд-во

- полит. лит., 1962. Т. 3. С. 97). Формирование «социального образования молодежи» в постсоветской России предполагается сегодня на новых принципиальных основаниях «духовной коммуникации». Нет принципов коммунистической морали, но есть «аксикреация» как педагогическая стратегия социализации современной молодежи (См.: *Рыбак Е.В.* Духовная коммуникация как аксикреативная составляющая социального образования молодежи // Вестн. Твер. ун-та. 2011. № 16. С. 117–123). Многочисленные предложения в Интернете воспользоваться «транскоммуникативным общением с загробным миром» вызывают не только сочувственное любопытство: налицо адаптация профанным сознанием коммуникатологической лексики как проявление надежной и основательной практики номинации в «ускользающем» мире.
- ⁷ *Степин В.С.* Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 533–702.
- ⁸ См.: *Лубский А.С.* Альтернативные модели исторического исследования / Отв. ред. Ю.В. Волков. М.: Социально-гуманитарные знания, 2005. С. 256–339; *Гаспарян Д.Э.* Введение в неклассическую философию. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2011; *Маловичко С.И., Румянцева М.Ф.* История как строгая наука vs социально ориентированное историческое описание. Орехово-Зуево: Изд-во МГОГИ, 2013.
- ⁹ См.: *Цоколов С.* Дискурс радикального конструктивизма: Традиции скептицизма в современной философии и теории познания (с переводами оригинальных работ Я. Ватцлавика, Э. фон Глазерсфельда, Х. фон Фёрстера, У. Матураны, Ф. Варелы и Г. Рота) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vixri.ru/?p=11681> (дата обращения 03.03.2017).
- ¹⁰ [*Розин В.М.*] Переход от методологии науки к методологии деятельности [Электронный ресурс]. URL: <http://terme.ru/termin/perehod-ot-metodologii-nauki-k-metodologii-deyatelnosti.html> (дата обращения 03.03.2017).
- ¹¹ Доклад «Арьергардные бои теоретической социологии», прочитанный А.Ф. Филипповым в РГГУ 12.10.2016 г., в рамках открытия Центра социальной теории и политической антропологии им. Н.Н. Козловой.
- ¹² См.: Ускользящий контекст: Русская философия в постсоветских условиях: Материалы конф. (Бремен, 25–27 июня 1998 г.). М.: AD MARGINEM, 2002; Социология под вопросом: Социальные науки в постструктуралистской перспективе: Альм. Росс.-фр. центра социологии и философии Ин-та социологии РАН. М.: Практис; Ин-т эксперимент. социологии, 2005; *Гройс Б.* Под подозрением: Феноменология медиа / Пер. с нем. А. Фоменко. М.: Худож. журн., 2006; *Марков Б.В.* Понятие политического. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2007 (Россия: В поисках себя); *Рансьер Ж.* На краю политического / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Практис, 2006; *Бойцов М.* Несколько меланхолических тезисов об историке и глобализации // Как мы пишем историю? / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова; [пер. с фр. Е.И. Балаховской, Е.В. Дворниченко, Л.А. Пименовой]. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2013. С. 393–413; *Тоштендаль Р.* Профессионализм историка и историческое знание / Пер. с англ. А.Ю. Серегинной. М.: Нов. хронограф, 2014.
- ¹³ См.: *Старостин Б.С.* Параметры развития науки. М.: Мысль, 1980.
- ¹⁴ См., например: *Больш Н.* Азбука медиа. М.: Европа, 2011 (Сер. «Политучеба»); *Дебре Р.* Введение в медиологию / Пер. с фр. Б.М. Скуратова. М.: Практис,

- 2010 (Сер. «Образ общества»); [Лубский А.В.] Историографическая революция // Теория и методология исторической науки: Терминолог. слов./ Отв. ред. А.О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 158–160.
- ¹⁵ См.: Шейпин С. Научная революция // Деар П., Шейпин С. Научная революция как событие / Пер. с англ. А. Маркова. М.: Нов. лит. обозрение, 2015. С. 315–515.
- ¹⁶ Социокультурная категория, подробно разработанная А.С. Ахиезером и вошедшая в широкий историографический контекст как концепт для осмысления российской истории (см.: Россия: расколотая цивилизация?: Круглый стол // Отечеств. история. 1994. № 4–5. С. 3–45). У Норберта Болца встречается определение «цифровой раскол» (Болц Н. Указ. соч. С. 6).
- ¹⁷ У Габриэля Марселя это понимание, что «каждый для самого себя есть “мы”». Цит. по: Старовойтов В.В. Современный психоанализ: интеграция субъект-объектного и субъект-субъектного подходов. М.: ИФРАН, 2004. С. 60.
- ¹⁸ См.: Максимов Л.В. Когнитивизм как парадигма гуманитарно-философской мысли. М.: Росс. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2003; Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008; Когнитивный подход / Отв. ред. РАН В.А. Лекторский. М.: Канон + РООИ «Реабилитация», 2008; Баксанский О.Е. Когнитивные репрезентации: обыденные, социальные, научные. М.: Книж. дом «Либроком», 2016.
- ¹⁹ Кун Т. Структура научных революций / Пер. с англ. И. Налетова. М.: АСТ, 2015. С. 174.
- ²⁰ Там же. С. 258.
- ²¹ Там же. С. 153.
- ²² Там же. С. 259.
- ²³ Там же. С. 269.
- ²⁴ Там же. С. 273.
- ²⁵ Там же. С. 271.
- ²⁶ Там же. С. 269.
- ²⁷ Матурана У., Варела Ф. Древо познания / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 40.
- ²⁸ Там же. С. 172.
- ²⁹ Там же. С. 173.
- ³⁰ Дебре Р. Указ. соч. С. 193.
- ³¹ Кун Т. Указ. соч. С. 302.
- ³² Там же.
- ³³ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 7–33.
- ³⁴ Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Лит. памятники / Сост, ред. изд., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна; пер с нем.: Я. Берман, Г.А. Рачинский, К.А. Свасьян, С.Л. Франк. М.: Мысль, 1990. Т. 1. С. 207.
- ³⁵ Луман Н. Власть / Пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2001. С. 155.
- ³⁶ См.: Назарчук А.В. Учение Никласа Лумана о коммуникации. М.: Весь мир, 2012. С. 73–77.